

Г. Л. ВЕНЕДИКТОВ

МОРФОЛОГИЯ РУССКОЙ СКАЗКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЗАКОНОВ ОБЩЕСТВА

Публикация и комментарии М. А. Никифоровой

Г. Л. Венедиктов (1932—2004) — филолог, фольклорист, ученик В. Я. Проппа, поэт, художник-график. При широте научных интересов (филология, этнография, история и история искусства, антропогенез, социальная психология и нейропсихология и пр.) главным своим делом он считал фольклористику, работая и как собиратель, уделявший большое внимание методике собирания, и как исследователь, многие годы сотрудничавший с отделом фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. «Поле» было для него своеобразной лабораторией, в которой ставились новые проблемы, проверялись собственные и чужие выводы. Сказка как базовое явление культуры многие годы привлекала его особое внимание. Ей посвящены как опубликованные,¹ так и неопубликованные работы: в архиве автора хранятся записи сказок, материалы с анализом сюжетов, заме-

¹ *Венедиктов Г. Л.* 1) Опыт фиксации фольклорной прозы как творческого процесса // Русский фольклор. Л., 1985. Т. 23. С. 100—106; 2) Фольклоризация памятников древнерусской литературы в Русском Устье // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 40. С. 400—409; 3) Литература и культура : Сказки Русского Устья // Русская литература. 1985. № 2. С. 128—141; 4) Ритмика фольклорной прозы и ритмика «Слова о полку Игореве» // Там же. 1985. № 3. С. 7—15; 5) Духовная культура народа. Русская сказка // Там же. 1986. № 4. С. 84—98; 6) Фольклор Русского Устья / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Г. Л. Венедиктов, Н. А. Габышев и др. Л., 1986. В последнем издании Венедиктову принадлежит часть вступительной статьи о сказке и прозе в целом (с. 13—24), комментарии к сказочным и другим прозаическим текстам (№ 1—93. С. 304—319) и подготовка к печати несказочной прозы.

ток и объемные тексты, посвященные изучению этого жанра, в том числе и четыре варианта статьи по морфологии сказки. Два из них — главы двух версий монографии «Духовная культура народа. Русская сказка», адресованной относительно широкому кругу образованных читателей. Именно потому, что предполагались для разного читателя, два варианта статьи освещали проблему каждый со своей стороны. Предлагаемый вариант выбран не потому, что он самый лучший, а потому, что адресован в первую очередь фольклористам. Это вторая по времени написания работа (1988), небольшая по объему и учитывающая замечания, любезно высказанные Л. И. Емельяновым и Е. А. Костюхиным, которым автор был очень благодарен.

В статье Г. Л. Венедиктов продолжил исследования своего учителя В. Я. Проппа и А. И. Никифорова в области морфологии сказки 1928 г. Е. А. Костюхин небезосновательно полагал, что именно 20-е гг. XX в. были периодом становления отечественного сказковедения.² В связи с тем, что данная работа не готовилась к публикации самим автором, в отличие, например, от статьи о Каратаеве,³ в тексте ее возможны некоторые стилистические погрешности, которые автор данной публикации не сочла возможным изменить. Статья подверглась минимальной редакторской правке и была дополнена необходимым, с точки зрения публикатора, справочным аппаратом: все сюжеты паспортизованы по номерам согласно указателю.⁴ Недостающие примеры конкретных текстов приводятся, как и подобранные автором, в основном из сборника А. Н. Афанасьева;⁵ если у Афанасьева они отсутствуют или менее ярки, то из других сборников.⁶ Для примеров использована малая часть сюжетных типов и конкретных текстов; эти иллюстрации не имеют всеобъемлющего характера и являются просто примерами. Тексты, использованные при составлении формул, относятся к афанасьевскому сборнику.

Слова, необходимые для понимания текста, вставлены в квадратных скобках, сокращения развернуты при помощи угловых скобок. Примечания автора публикации отмечены отдельно.

² Костюхин Е. А. 1920-е гг.: становление отечественного сказковедения // Из истории русской фольклористики. СПб., 2007. Вып. 7. С. 33—42.

³ Венедиктов Г. Л. Платон Каратаев как модель коллективного сознания // Русский фольклор. СПб., 2011. Т. 34. С. 296—309.

⁴ Сравнительный указатель сюжетов : Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979, далее именуемый СУС. Список приведенных в качестве примеров сюжетов СУС помещен в Приложении.

⁵ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. текстов, предисловие и примеч. В. Я. Проппа. М., 1957.

⁶ Перечень использованных изданий см. в Списке сокращений.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА НАРОДА. РУССКАЯ СКАЗКА

Русская сказка — современное нам явление: в отдельных деревнях еще недавно вам могли ее рассказать. Одновременно она — явление не современное: это порождение прошлых веков и тысячелетий. В ней соединяются новое время и время давно минувшее. В поэтике ее находят и черты, общие с литературой авторской, и черты чисто фольклорные, древние, литературе авторской не свойственные. В поэтике сказки можно различить «синтаксис» и «морфологию», которые не совпадают с синтаксисом и морфологией языка: они затрагивают не построение предложений и речи, а построение сказки как уникального жанра фольклора и явления культуры. К синтаксису сказки можно отнести систему образов, сюжетно-идейное решение, художественные приемы, частично синтаксисом определяется так называемая обрядность сказки. Морфология сказки — это поэтика минимальных сказкообразующих единиц, тот способ подачи любого сказочного содержания, по которому узнается именно народная сказка.

К этому пласту поэтических средств не применимы представления об «идейности и художественности» произведения — он выражает существо сказочной ткани. Он свидетельствует о том, что русское крестьянство, творец и хранитель сказок, еще не так давно обладало отличным от нас типом общественного сознания.

В данной работе нас будет интересовать не происхождение сказки, а сказка в том виде, в каком она была записана собирателями и дошла до нас. Автор проработал большое количество волшебных сказок и их вариантов и более трехсот сказок о животных.

К открытию существа, построения народной сказки наука шла этнографическим и формально-эмпирическим путями. За последние годы развился структурно-семиотический путь, но, к сожалению, он искал структуру сказки не в ее своеобразии, а в чем-то, что выходило за ее рамки.¹

Первым следует назвать А. Н. Веселовского с его курсом по поэтике сюжетов, читанном в 1897—1903 гг. Основными категориями для А. Н. Веселовского стали «тема» и «мотив»: «Под сюжетом я разумею тему, в которой снуются разные положения — мотивы...».² Мотив понимается как некий «одночленный схематизм», простейший элемент сказки. Ср.: кто-то похищает

¹ См.: Зарубежные исследования по семиотике фольклора / Сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. М., 1985. С. 1—316.

² *Веселовский А. Н.* Поэтика сюжетов // *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л., 1940. С. 500.

солнце, птица сносит огонь с неба, враждебные силы иссушили источник.³ Приведенные примеры показывают, что это — простейший вид субъектно-объектной связи, связи односторонней, вне содержания сказки (формальной). Содержание такого мотива — этнографическое, мифологическое, волшебное. На фоне восприятия науки того времени морфология сказки выступала, естественно, как отражение мифологического содержания сказки.

Мысли А. Н. Веселовского развивал Р. М. Волков. Сюжет сказки он рассматривал как состоящий из «звеньев», слагающихся из двух мотивов. Например, звено сказки «Морозко»: а) дочь мачехи накликает на себя беду, б) мачехе привозят ее косточки.⁴ Заслугой Р. М. Волкова следует признать стремление определить связь мотивов в сюжете. Однако мотивы группировались им в звенья по принципу сходства, «усиления», т. е. тематически, и не получили структурной определенности (мотивы вещей советчиков, добывания коня, чудесного растения на могиле убитого, мотив птицы, несущей героя, в трактовке Волкова менее убедительны, чем мотивы Веселовского).⁵ Волков полагал, что основу сказки может составлять развитие одного мотива.⁶ Так сказка приравнивалась к нефольклорному литературному произведению. Игнорирование специфики фольклора не способствовало дальнейшим открытиям.

Крупнейший шаг в изучении морфологии сказки был сделан в 1928 г., когда вышли в свет монография В. Я. Проппа «Морфология сказки» и статья А. И. Никифорова «К вопросу о морфологическом изучении народной сказки».⁷

Роль В. Я. Проппа в изучении морфологии сказки огромна. Мысль Ж. Бедье о существовании постоянных и переменных сказочных единиц он использовал для их вычленения и сделал это на основании сопоставления массы фольклорных текстов. Оказалось, что постоянными, устойчивыми, сказкообразующими элементами являются лишь действия сказочных персонажей, а переменными, неустойчивыми, несюжетообразующими элементами — набор действующих лиц и атрибуты действующих лиц.⁸ Постоянные элементы Пропп назвал «функциями сказки», определил, что функций тридцать одна и дал каждой характери-

³ Там же. С. 494.

⁴ Волков Р. М. Сказка. Одесса, 1924. Т. 1. С. 215, 216.

⁵ Волков Р. М. Сказка. С. 32, 216, 39, 42, 45, 46.

⁶ Там же. С. 6, 221.

⁷ Никифоров А. И. К вопросу о морфологическом изучении народной сказки // Сборник Отд-ния рус. яз. и словесности АН. Л., 1928. Т. 101 (в честь акад. А. И. Соболевского). С. 173—178.

⁸ Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. М., 1969. С. 23, 79.

стику. В основу изучения морфологии сказки был положен конкретный сравнительный анализ текстов.

Определяющую роль действий персонажей в сказке прекрасно демонстрирует сюжет «Победитель змея» (СУС 300₁=АА 300А): змей требует царевну, герой вызывается заступиться за нее, царевна принимает его заступничество, герой сражается со змеем и побеждает; пока он спит, утомленный борьбой, его соперник («ложный герой») требует руки царевны и т. п. (в конце концов истина обнаруживается). В этом сюжете не важно, из воды выходит змей или прилетает, либо это вовсе не змей, а Кашей или некто другой. Не важно, кем является соперник героя, — водовозом, генералом, цыганом и пр.

«Под функцией, — писал В. Я. Пропп, — понимается поступок действующего лица, определяемый с точки зрения его значимости для хода действия».⁹ Однако выявление «значимости» отдается на произвол исследователя и, значит, оно субъективно. Так, в приведенном выше сюжете змей требует царевну — царевна плачет, герой вызывается спасти ее — царевна возражает, не веря в спасение. Однако ни плач, ни возражения, ни последующее воскрешение героя, столь важные для хода действия сказки, «функциями» не являются. Из значимых действий приходится делать отбор, но что именно отбирать, остается неясным, поэтому определение, сформулированное Проппом, неполно.

Продолжив изыскания Веселовского, Пропп пришел к выводу, что «волшебная сказка в своих морфологических основах представляет собой миф», хотя мысль эта, по его признанию, была «достаточно дискредитирована сторонниками мифологической школы».¹⁰ Морфология сказки, по Проппу, определяется действиями, функциями персонажей, а миф, как признал ученый в монографии 1946 г. «Исторические корни волшебной сказки», — наличием особых персонажей с особыми свойствами. Миф, по его мнению, — это «рассказ о божествах или божественных существах, в действительность которых народ верит».¹¹ Если в 1928 г. Пропп изучал действия сказочных персонажей, то в 1946 г. объектом исследования стали исторические корни отдельных мифологических мотивов; изучение функций было прервано. Вторая монография, вопреки утверждениям автора, стала не продолжением «Морфологии», а особой работой.

В ней Пропп пришел к выводу: «Миф не может быть отличае- м от сказки формально». Сказка в своем существе отождествля- лась с мифом, разнясь с ним только по «социальной функции».¹²

⁹ Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 25.

¹⁰ Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 82.

¹¹ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 16.

¹² Там же. С. 16.

«Начало сказки» Пропп воспринимал как возникшее из «представлений о смерти» («в области мировоззрения») и из религиозно-магической обрядовой практики — обряда инициаций («в области конкретной социальной жизни»), полагая, что «одно без другого не может быть рассмотрено».¹³ Ученый считал и миф, и обряд «продуктом некоторого мышления»¹⁴ (как и Л. Леви-Брюль в работах о первобытном мышлении).¹⁵ Такой подход сводил основополагающие мифологические представления человечества к представлениям о смерти, а всю обрядность — к инициациям, что было крайне сомнительным даже с точки зрения этнографии: ведь «в синкретическом монолите первобытной культуры спрессовано все многообразие будущих видов человеческой деятельности».¹⁶

Содержание сказки в ее праоснове было определено исследователем как религиозно-мистическое и узкоэтнографическое; поэтому и функции оказались весьма формальными и отчасти произвольными.

В «Исторических корнях волшебной сказки» Пропп сделал поправку: сказка отражает «представления о смерти, а не какие-нибудь другие», но — «в основном».¹⁷ Но такое допущение разрушило и каноничность «жесткого порядка» сказочных единиц, который постулировал ученый. Никаких инициаций у восточных славян («русских») не было уже к моменту образования государственности. Это означает, что либо твердого порядка составляющих единиц в сказке нет, либо этот порядок отражает вовсе не «праобряд» и не «прамиф». Ведь мифология сказки большей частью условна. Сказочные Кашеи, царь-девицы, змеи на конях не годятся для реконструкции мифологии подлинной, древней. Признавая, что названия персонажей и их характеристики — это неустойчивые и несюжетообразующие элементы сказки, В. Я. Пропп сам вывел волшебнo-мифологическое за пределы сказочной морфологии.¹⁸

Так миф ли определяет морфологическое существо сказки? И что такое миф — самодвижение мистически ориентированной мысли или осознание обществом своей социальной сущности в мифологической окраске?

¹³ Там же. С. 41.

¹⁴ Там же. С. 20 — именно *мышления*, а не стадияльного миропонимания. — Пояснение Г. Л. Венедиктова.

¹⁵ *Леви-Брюль Л.* 1) *Первобытное мышление*. М., 1930; 2) *Сверхъестественное в первобытном мышлении*. М., 1937.

¹⁶ *История первобытного общества : Эпоха первобытной родовой общины* / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М., 1986. С. 514.

¹⁷ *Пропп В. Я.* *Исторические корни...* С. 41.

¹⁸ *Пропп В. Я.* *Морфология сказки*. С. 29.

Сказка вовсе не инобытие мифа, как полагали В. Я. Пропп и К. Леви-Стросс, сказка – особый жанр, который в древности соприкасался с мифом, вероятно, отпочковался от мифа, но был в корне иным. (Миф сакрален.) Сказка самими носителями фольклора воспринималась как «складка», — будучи выражением «чаяний и ожиданий народных», она демонстрировала особый способ отражения жизни, давно разошедшийся с восприятием ее сказочниками. Сказка, как правило, по содержанию серьезна, хотя по форме иногда забавна. Но она далеко не всегда «забава»: наука засвидетельствовала обрядовое исполнение сказок в ряде регионов Севера. Еще относительно недавно сказки были существеннейшей частью народного быта и творчества. Характерно, что даже выпущенный в 1976 г. сборник П. Г. Ширяевой и В. С. Бахтина «Сказки Ленинградской области» вызвал повышенный интерес именно у взрослых читателей.¹⁹

Исходное (этнографическая правда) и конечное (вымысел) понимание сюжета оказывались взаимоисключающими, поступки, важные для «хода сказки» — равнокачественными, как равнокачественны мифологические мотивы, простые мифологемы. Поэтому функции превращались в формальные и отчасти произвольные единицы целого.

Возражая Леви-Строссу,²⁰ обвинявшему его в формализме, Пропп с гордостью назвал себя неподкупным эмпириком.²¹ Этим он подчеркнул сугубую приверженность своей работы эмпирическому наблюдению, а не предвзятым априорным схемам. Однако на практике все оказалось не так однозначно. Важность эмпирических исследований Проппа несомненна, но придется согласиться и с тем, что набор функций раскрывал форму сказки, но не ее содержание.

Пропп обнаружил определенный порядок действий в сказке. Но этот порядок не был непререкаем, он мог объясняться вовсе не восхождением к порядку обряда и мифа, а [системой] отношения сказочников к миру. Если сказка — выражение миропонимания прошлого, то она должна включать в себя как основные составляющие законы этого миропонимания, которые стоят за Пропповыми функциями: наказом, разведкой, подвохом, борь-

¹⁹ Сказки Ленинградской области серьезные и несерьезные, озорные и не очень, байки, народные анекдоты и прибаутки собрали и подготовили к печати Владимир Бахтин и Пелагея Ширяева. Л., 1976.

²⁰ *Леви-Стросс К.* Структура и форма : Размышления над одной работой Владимира Проппа // Семиотика / Ред. Ю. С. Степанов, 1983. С. 400—428. То же // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М., 1985. С. 9—34.

²¹ *Пропп В. Я.* Структурное и историческое изучение волшебной сказки // Пропп В. Я. Фольклор и действительность : Избранные статьи. М., 1976. С. 133.

бой, свадьбой — и эти составляющие, эти единицы миропонимания должны выстраиваться в определенный порядок.

Так мы подходим к мысли, что морфология сказки отражает базовые социальные законы коммуникации. К этому выводу, вопреки созданной им схеме, приблизился и сам Владимир Яковлевич, увидевший «заложенный в сказке» «мир народной философии и народной морали в их историческом развитии», — но только приблизился, ибо тут же заговорил о «слоистом» строении сказки.²² Однако народная философия и мораль — вовсе не «слой», не надстройка над морфологией сказки, а ее существо.

Очевидно, что ни мифолого-этнографические мотивы, ни абстрагированные от них функции элементами, выражающими существо, миропонимание сказки, не являются. Ученому не удалось, к сожалению, найти те единицы сказки, в которых форма и содержание составляли бы неразрывное единство и оказывались сторонами друг друга.

При рассмотрении вопроса о морфологии сказки необходимо учитывать не только исследование В. Я. Проппа, но и статью (его товарища по Сказочной комиссии. — М. Н.) А. И. Никифорова «К вопросу о морфологическом изучении народной сказки», появившуюся в том же, 1928 г. Никифоров очень близко подошел к пониманию функций, высказанному Проппом, и, подчеркивая «динамические элементы» сказки, отметил неустойчивость персонажей и постоянство функций персонажей.²³ Важнейшим законом сказки он счел неравноценность действий (т. е. «функций»), определив одни действия как «корневые», а другие — как «префиксальные», «суффиксальные и флексийные».²⁴ Никифоров развивал мысль о том, что действия в сказке всегда подаются в виде «устоявшихся, типизированных тематических двучленов, трехчленов и даже многочленов», «типичных эпизодов», «сложных морфологических гнезд», которые выступают как «постоянные, неменяющиеся морфологические единицы». Эти сложные «частные компоненты», единицы сюжетосложения предстают как «группировка частных функций главного персонажа и вторичных персонажей».²⁵

Такое понимание очень близко подвело ученого к открытию сказочного звена как комбинации двух разногеройных функций.

На этом пути был и Пропп, когда отметил парность некоторых выделенных им функций («очень большое количество функций расположено попарно»)²⁶ и даже большее: «Парные

²² Там же. С. 148.

²³ Никифоров А. И. К вопросу о морфологическом... С. 174, 176.

²⁴ Там же. С. 175.

²⁵ Там же. С. 177, 176.

²⁶ Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 60.

функции выполняются разными лицами. Трудную задачу задает одно лицо, а решает ее другое».²⁷ Но исследователь назвал соединения парных функций (таких, например, как бой и победа) «механическими соединениями», «непригодными» для изучения композиции и последовательности функций.²⁸ Смысл звена как выражения нового качества сказочной структуры, как формы раскрытия социальной коммуникации и традиции остался ему неясен.

На наш взгляд, Никифоров совершенно верно понимал сюжет сказки как относительно свободную комбинацию морфологических гнезд.²⁹ К сожалению, он не дал конкретного описания морфологических гнезд либо их составляющих. В науке же со временем все больше побеждала линия формализующего сравнения сказки с языковой структурой. Концепция Никифорова не получила заслуженного внимания и разработки.

В период <19>60-х гг. в центре внимания оказалась парность (бинарность) сказочных функций, понятая как противопоставление, оппозиция, сходная с логическими противопоставлениями языка (сырое/вареное, холодное/горячее и пр.). Некоторые советские исследователи обратили внимание на парность иного рода: бинарность «больших синтагматических единств», «блоков» (испытание/приобретение либо потеря «сказочных ценностей», действие/противодействие, стимул/реакция).³⁰ Но, при ближайшем рассмотрении, испытанию противопоставит не функция, а закономерные следствия звена, его атрибуты (об атрибутах звена см. далее). В паре «действие/противодействие» функция противопоставит функции, а в паре «стимул/реакция» стимул смахивает на мотивировку функции. Некоторая нечеткость понимания структуры сказки прослеживается и в опубликованном позже продолжении указанной работы, где авторы предпочитают говорить уже не о «блоках», а об «эпизодах».³¹ Такие работы уводили в сторону от эмпирических наблюдений В. Я. Проппа, который давно отметил тяготение к парности некоторых функций.³²

Из тридцати одной функции В. Я. Проппа в пары складывается большинство: запрет и нарушение его (вторая и третья функции), разведка и выдача сведений (четвертая и пятая функции),

²⁷ Пропп В. Я. Структурное и историческое... С. 144.

²⁸ Там же.

²⁹ Никифоров А. И. К вопросу о морфологическом... С. 176—178.

³⁰ Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегал Д. М. Проблемы структурного описания волшебной сказки // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. Т. 4. С. 92.

³¹ Мелетинский Е. М. и др. Еще раз о проблеме структурного описания сказки // Там же. Тарту, 1971. Т. 5. С. 63—91.

³² Пропп В. Я. Морфология сказки. С. 60.

подвох и принятие его (шестая и седьмая), вред и противодействие ему (восьмая и десятая), недостача и ликвидация ее (девятая и девятнадцатая?), действие дарителя и реакция на него героя (двенадцатая и тринадцатая), получение волшебного средства и пользование им (четырнадцатая и пятнадцатая), борьба и победа (шестнадцатая и восемнадцатая), клеймение и узнавание по клейму (семнадцатая и двадцать седьмая), преследование и спасение от него (двадцать первая и двадцать вторая), неузнанное прибытие и трансфигурация (двадцать третья и двадцать девятая), притязания и их разоблачение (двадцать четвертая и двадцать восьмая), трудная задача и ее решение (двадцать пятая и двадцать шестая) — всего 26 функций. Все пары построены не как оппозиции, а как своеобразный диалог действий (действие и его результат).

Нетрудно заметить, что субъект первой функции в такой паре всегда наступает, субъект второй — обороняется, первая функция — всегда ввод в ситуацию, вторая — способ разрешения ее. Перед нами та самая группировка функций главного и вторичного персонажей, та бинарность, то морфологическое гнездо, о котором писал А. И. Никифоров. Это и есть сказочное звено.

В основе морфологии сказки лежит набор ситуаций и тех или иных решений. Однако многие очень значимые для ее хода деяния оказываются морфологически нейтральными. «Функциями» являются только те из них, благодаря которым ситуации создаются и разрешаются.

Звено как комбинация ввода в ситуацию и разрешения ее представляет собой определенную сюжетную законченность, замкнутость, автономность. Тогда сказочный сюжет выступает как цепь автономных единиц, не сказкообразующих (как у А. И. Веселовского и В. Я. Проппа), а сказкосоставляющих, где каждое звено — это потенциально отдельная сказка, или, как называют это явление Е. М. Мелетинский и его соавторы, «микросказка».³³ Пример такой однозвеньевой сказки — сказка о лисе, укравшей у старика рыбу (СУС 1).

Для современности характерен способ раскрытия мира от имени «я», индивида, «микромра» (хотя бы писательского). Поэтому авторское произведение предстает как субъективный и логически связанный единый поток. Отсюда и простор для субъективных переживаний, рассуждений, мотивировок, отступлений от действия, любования пейзажем и т. п. Отсюда и сложные союзные — в том числе сложноподчиненные — предложения. Таков взгляд изнутри, ориентация вовнутрь, психологизм.

³³ Мелетинский Е. М. и др. Еще раз о проблеме... Т. 5. С. 82. Здесь, кстати, авторы говорят о сюжетной замкнутости микросказки, о том, что действия себя полностью исчерпывают в ней.

Так, тургеневский Рудин почти ничего не совершает, но предстает ярким психологическим характером.

В сказке это невозможно... Сказка строится как диалог разнонаправленных действий, диалог субъектов действия, поэтому сюжет, «ход» ее — дискретная цепь звеньев.

Сказка берет за основу, за точку отсчета поступки многих лиц, раскрывая мир от имени не индивида, а этого множества, коллектива — не изнутри, а извне.

Сказка основывается на действиях, а не на рассуждениях и переживаниях, поэтому ей чужд психологизм. Поэтому же она тяготеет к простым предложениям (или сложносочиненным — как их набору). Сказочный персонаж редко бывает героем, т. е. психологическим характером: мотивировки его действий прямо не раскрываются, его положение как главного лица определяется набором отнесенных к нему событий, сюжетом. Персонаж авторской литературы, в отличие от сказочного, сам определяет сюжет (хрестоматиен пример с вышедшей замуж пушкинской Татьяной).

Так сказка демонстрируя нам миропонимание, отличное от привычного нам, и раскрывает свое существо как продукт коллективного творчества, коллективного сознания. С помощью сказочных звеньев можно описать определяющее содержание не только любой волшебной, но и всякой другой (о животных, бытовой и пр.) сказки и этим сохранить целостность понимания сказки как жанра. Суть сказки определяется как диалог действий, как драма жизни, как многолинейность и многогеройность жизни, как борьба и единство, как сумма противоположностей, как трагедия — при обострении этой драмы, ее гиперболизации, и как комедия — при расхождении драматической формы и не соответствующего ей, сведенного на нет содержания (см. далее о мнимом звене). Сказка сосредоточена не на индивидууме, а на жизни всего социума и прямо соотносится с миропониманием социума.

Вернемся к функциям В. Я. Проппа. Из тридцати одной Пропповой функции пять не имеют пары: первая — отлучка, девятая — связка-сообщение, двадцатая — возвращение героя, тридцатая — наказание, тридцать первая — свадьба. Из оставшихся двадцати шести надо исключить девятую и девятнадцатую функции как дублирующие восьмую и десятую (вред и противодействие ему, недостача и ее ликвидация), а также четырнадцатую и пятнадцатую (получение волшебного средства и пользование им) как пару искусственную. Волшебное средство, по нормам сказки, герой получает не просто так, а как награду за выдержанное испытание или в силу действия иного звена, о чем речь далее (см. об атрибуте звена). Остаются двадцать две функции — на деле их несколько больше, ибо ученый не заметил

просьбы о помощи и оказания ее, предложения союза и принятие его и некоторых других функций, не говоря уже о вариантах функций названных. Существуют усложненные формы функций, об их самостоятельности можно спорить; но всегда сказка раскрывается как диалог действий и персонажей.

Так, сюжет сказки «Победитель змея» «правильнее» выглядит так: змей требует царевну — ее выдают, герой расспрашивает ее — она сообщает о змее, змей похвывается силой — герой осаживает его, змей наступает — герой убивает его, уставший в сражении герой засыпает — возникает ситуация незащитности, которой соперник и пользуется. Здесь убийство подлинного героя ложным не функция сказки, а признак последнего, определяющее его свойство, как свойство змея — похищать, царского советника — науськивать, царя как хозяина стрельца — пытаться отнять у него жену и т. д. Ложный герой шантажирует незащитную царевну — та вынуждена согласиться на его требования и т. д.

Чрезвычайно существенно то, что в звене функции ввода в ситуацию и вывода из нее не равновелики: если ввод в ситуацию один, то разрешение ее может быть двояким — положительным или отрицательным: запрет-наказ может выполняться или не выполняться, подвох приниматься или не приниматься и пр. В. Я. Пропп вводит эти отрицательные решения в свою схему под видом дополнительных, «обращенных функций»; складывается представление, что главными оказываются функции положительные. Однако функции отрицательные в звеньях столь же часты, как и положительные, и в этом отношении они равноправны. Для разных сюжетов типично или то, или другое решение, иногда же оба (при повторении ситуации): в «Животных-зятках» (СУС 552А=АА 552) родители дают наказ выдать сестер за первых посватавшихся — герой исполняет его, и это хорошо; в «Трех подземных царствах» (СУС 301А, В) братья не выполняют наказа героя поднять его с иного света, и это плохо; в «Чудесном бегстве» и других сюжетах баба Яга наказывает герою спрятать крылышки или одежду одной из купающихся дев-птиц, что он и исполняет, и это благо; в «Молодильных яблоках» (СУС 551) она велит не пить из колодца царь-девицы — герой никогда не выполняет наказа, и это в конце концов тоже благо; в «Сивке-Бурке» (СУС 530=АА 530А) дурак выполняет наказ отца дежурить на могиле, а умные братья не выполняют — дурак получает волшебного коня, а братья нет.

Каждое звено правильнее считать типовым образованием, включающим в себя варианты содержания, и потому состоящим потенциально не из двух, а из трех функций: одного ввода в ситуацию и двух потенциальных выводов из нее. Таким образом, сказкообразующей величиной выступает не функция, а звено,

действие определяется как «функция» только благодаря своей способности слагать звено.

Таких функций значительно больше, чем тридцать одна. В. Я. Пропп постулирует равновеликость функций и твердый порядок их. Между тем жесткого, устойчивого порядка функций не существует, ибо каждая вторая функция звена — величина переменная. Устойчивость того или другого решения ситуаций — это вопрос истории конкретного сюжета, она носит «идейный» характер и не является результатом мертвой схемы будто бы восхождения к определенному обряду или мифу, схемы, не имеющей смысла и потому неподвижной и однозначной. Отсюда неизбежность ряда натяжек в книге В. Я. Проппа.³⁴ Ему приходилось не раз объявлять четко оформленные звенья просто связками на том основании, что это противоречило предлагавшейся схеме.

О взаимосвязи функций В. Я. Пропп писал: «...если прочесть все функции подряд, то мы увидим, как с логической и художественной необходимостью одна функция вытекает из другой. <...> Все они принадлежат одному стержню, а не нескольким стержням...»³⁵ Такая формулировка приписывает определенную функцию определенному персонажу — герою или его антагонисту. Это противоречит признаваемому самим исследователем закону: персонажи относятся не к постоянным, а к переменным величинам сказки. Одна и та же функция может оказаться действием и героя, и его противника. Так, разведка в «Бое на калиновом мосту» совершается не антагонистом, как постулировал В. Я. Пропп, а героем. Функция безразлична к своему субъекту, к тому, герой он или антагонист героя,³⁶ не предопределяется никакой схемой — это не исключение, а закон сказки. Сами функции, оторванные от субъектов, особого порядка не представляют — правота остается за А. И. Никифоровым, утверждавшим текучесть и относительную свободу морфологического ряда сказки.

³⁴ *Пропп В. Я.* Морфология сказки. С. 66. Так, в сказке «Бой на калиновом мосту» (СУС 300А=АА 300*В=К 303) очевидна, классически выражена разведка и выдача сведений (герой возвращается, чтобы выведать замыслы змеих), что признавал и сам В. Я. Пропп. Однако он предлагал видеть здесь не «разведку», а «непосредственное ознакомление».

³⁵ Там же. С. 60.

³⁶ Так, жертвой подвоха может быть как антагонист героя (Яга на дороге героя; Кашей, которому переставили сильную и бессильную воду в «Трех подземных царствах»), так и сам герой (в «Смерти Кашея от коня» и др.) или его братья (в «Молодильных яблоках» и вариантах «Боя на калиновом мосту»), существа нейтральные (например, захваченный ворон, который призван принести живой и мертвой воды для воскрешения героя в разных сюжетах).

Таким образом, сказка оказывается рядом морфологически однородных звеньев, автономных и замкнутых на себя сюжетно, то есть цепью «микросказок», где каждое звено выстроено по принципу субъектно-субъектных, предикатно-предикатных отношений, не соотносимых со структурой языка, где эти отношения субъектно-объектные. Как явление специфическое, она непригодна для общесемиотического истолкования.³⁷

На наш взгляд, нет не только жесткого порядка функций (сказки дают примеры вариантных цепей звеньев, в которых не все функции совпадают), но и жесткого порядка звеньев в звеньевой цепи. Так, звено *разведка*³⁸ в «Царевне-лягушке» (СУС 402), где жена выведывает причину горя мужа, предшествует *наказу-задаче*, который она дает своим волшебным слугам (Афанасьев 269); в «Бое на калиновом мосту» (Афанасьев 136—138) — бегству от змеих; в «Шести чудесных товарищах» — приглашению Опыталы, Обьедалы и других в товарищи (Афанасьев 137, 144 в контаминациях); в сюжетах, где герой набредает на избушку яги — «испытанию» или «подвоху».

Сказка морфологически, в силу наличия своих звеньевых единиц, восходит к типизированным формам коммуникации, к социальным законам. Пора рассмотреть ее звенья. Их порядок условен, но для удобства и сохранения традиции мы в основном следуем за схемой В. Я. Проппа, с необходимыми дополнениями и некоторой перестановкой, вызванной соображениями обобщающего характера.

Основных, простых звеньев тринадцать. Есть и более сложные, усложненные звенья, но для принципиального понимания любой сказки достаточно этих тринадцати.

1. Наказ — его исполнение или нарушение.

Наказ может быть выражен в форме запрета, табу:³⁹ герою запрещается пить из копытчика (СУС 450: Афанасьев 261, 262); заходить в закрытую комнату (СУС 302₂: Афанасьев 159, ЗКП I 55); открывать до дома заветный сундучок (СУС 313В, С: Афанасьев 219—221, 224); целовать сестру (или других родных) по возвращении (СУС 313А, В, С: Афанасьев 219, 222—225); поднимать перо жар-птицы (СУС 531=К 531: Афанасьев 169, 170); засматриваться на кувшинчик (СУС 300А=АА 300*В=К 303: Афанасьев 136) и т. д.

³⁷ В рамках семиотической структуры, которая базируется на параллелизме семантики языка и других знаковых систем, отношения между знаками — это отношения субъектно-объектные, отношения «говорящего» и «адресата».

³⁸ Описание звеньев см. ниже.

³⁹ Такие запреты характерны для многих сюжетных типов, примеры приводятся лишь из некоторых. — М. Н.

Табу, отрицательная форма наказа, предстает в сказке в виде личного запрета — змея, Кашея, медведя, героини и др. За нарушение его на героя обычно обрушивается беда. Но в сказках о «молодчестве» героя, отражающих эпоху складывания новой морали, нарушение некоторых старых запретов одобряется: Кашей запрещает герою увозить невесту, но тот увозит ее (СУС 302₂: Афанасьев 159 в контаминации, Худяков 22); Яга запрещает в девичьем царстве трогать царь-девицу (запрет иногда нечеток), но герой пренебрегает запретом (СУС 551: Афанасьев 172—177); медведь запрещает заходить в закрытую комнату, но умная сестра-невеста заходит туда безнаказанно (СУС 311: Зеленин-2 16, Балашов 76), без негативных последствий для себя героиня оказывается дома и в версии «Не садись на пенек, не ешь пирожок» (Садовников 29).⁴⁰

Но *наказ* может быть дан и в положительной, побудительной форме: отец наказывает сыновьям караулить на его могиле (СУС 530=АА 530А: Афанасьев 179—180, с продолжением СУС 530А=АА530В*: Афанасьев 182, 184), взять жен там, куда упдут их стрелы (СУС 402: Афанасьев 267—269); царь приказывает герою добыть диковинки (СУС 465А: Афанасьев 212—215), герой велит братьям наплевать на кувшинчик и разбить его (СУС 300А=АА 300*В=К 303: Афанасьев 136), братьям или товарищам — проследить, когда тарелка (миска, таз и пр.) наполнятся кровью, и бежать к нему на помощь (СУС 300А= АА 300*В=К 303: Афанасьев 136—138), поднять его с того света (СУС 301А, В: Афанасьев 141, 142), родители наказывают сыну выдать сестер замуж за первых посватавшихся (СУС 552А=АА 552: Афанасьев 159, 160). Выполнение *наказа* обычно несет благо герою.

Наказ может выступать в мягкой форме — форме приглашения. Орел в «Чудесном бегстве» (эпизод СУС 313В: Афанасьев 219, 220, 224) приглашает героя сесть на него и полететь; жена стрельца предлагает ему не печалиться из-за царской опалы, а отдыхать: утро вечера мудренее (СУС 465А: Афанасьев 212, 213). Похоже, что здесь уже наблюдается вырождение звена, формализация его.

Наказ может выступать и в виде предвещения: некто или надпись на камне, столбе, дубе предвещают путнику, что с ним случится на той или иной дороге. В сказке Русского Устья «Федор Бермятин» (СУС 485=АА *485А: Фольклор РУ 50, 65) каждый из одураченных противников героя под конец ему предвещает: «Обманул меня... — не обманешь ... [другого]». Это предвещение очень похоже на выражение средневекового провиденциализма, о котором писал Д. С. Лихачев. Возможно, что *наказ* как предвещение — это след феодальной эпохи.

⁴⁰ Часто носит название «Маша и медведь». — М. Н.

Очень важно, что «волшебство» сказки оформляется, как правило, именно звеном *наказ* (или звеном *задача*): «Избушка, избушка! Встань по-старому, как мать поставила», — избушка останавливается дверью к герою (Афанасьев 204); «По щучьему веленью <...> ступайте, ведра, сами на гору!» — и ведра идут (СУС 675: Афанасьев 165); «Сивка-Бурка <...> стань передо мной, как лес⁴¹ перед травой!» — и Сивка появляется: (Афанасьев 182, 183); «Играйте, гусли-самогуды!»⁴² — и гусли играют; «Пей, мой зад, воду!» — и зад пьет (СУС 715А=АА 715: Смирнов 158); «На, куколка, покушай, моего горя послушай!» — и куколка оживает (СУС 480В*=АА 480*F: Афанасьев 104); «Дума Премудрая, рож-вернись на этот швет!» (варианты «Чудесного бегства»: Фольклор РУ 23, 38) — и Дума Премудрая не «развертывается»: колдовство наталкивается на колдовство.

Вероятно, когда-то сюда относились и приказы, которые теперь мы не воспринимаем как волшебные: «Ловись, рыбка, и мала, и велика!»; «Мерзни, мерзни, волчий хвост!» — глупость волка раскрывалась первоначально вовсе не как глупость ловли рыбы на хвост, а как неумелая, глупая магия (СУС 2: Афанасьев 4). Такие конструкции часто воспринимаются как застывшие формулы.

С забыванием стадияльных магических формул стиралось и четкое позвеньевое членение. Так, в «Чудесной дудочке» (СУС 780) купцы берут дудку — дудка поет (Афанасьев 245), а по логике вещей надо бы: купцы приказывают дудке — дудка поет. Или: Иванушка влез в ушко коня — напился, наелся, сделался красавцем (СУС 530=АА 530А и 530А=АА 530*В: Афанасьев 180, 183, 184). А надо бы: влез — конь сделал его красавцем (конь же волшебный!), т. е. влез и приказал — конь выполнил. В «Семи Симеонах» один из братьев «пошел на корабль, на нос, затопил этот корабль и повел его по-под воде» (СУС 653: Фольклор РУ 32). По-видимому, «повел», приказав кораблю выполнить определенные действия: здесь корабль ощущается как живое, доступное магии существо, подобное лодочке Ивашечки (СУС 327F), которой мальчик велит плыть к бережку,⁴³ или лодке «Калевалы», плывущей по приказу кормчего.

⁴¹ Так у автора, которому многочисленные исполнители этой сказки объясняли, что Сивка должен встать перед героем не как «лист», а как «лис», то есть высокий лес перед низкой травой — в северных говорах исконный «ять», произносившийся как дифтонг «ие», перешел в «и». Сказка входила в дореволюционные хрестоматии — благодаря этому неверное понимание могло закрепиться. — *М. Н.*

⁴² Номер с таким приказом не найден ни в СУС 465В Гусли-самогуды, ни в СУС 592 Чудесная скрипка (дудка, гусли, флейта), ни в СУС 850 Приметы царевны. — *М. Н.*

⁴³ См. Афанасьев 112: «Ближе, ближе, мой челночок! Это родимой ма-тушки голосок!»; Афанасьев 110: «Пливи, пливи, човничку, до бережку...».

Не только живые существа, но и вещи, явления природы в прошлом воспринимались как подобные людям, со своим языком, обычаями и т. п. Поэтому звенья *наказ* и *задача* раскрывают не самую магию, не магические представления, а социальные отношения, распространявшиеся и на эти субъекты. Само «мифическое» содержание сказки оставалось за пределами сказочной морфологии.

II. **Задача:** приказание решить задачу и его выполнение или невыполнение. *Задача* в сущности — это тоже *наказ*, но в специфически конкретной форме. Таковы задачи Морского царя (СУС 313А, В, С: Афанасьев 219, 222; Фольклор РУ 23, 38), стропливой невесты или ее матери, которые выполняют Опивала, Обьедала, Студенец и прочие (СУС 513А: Афанасьев 137, 138, 144), задачи спрятаться претенденту на руку невесты (СУС 329: Афанасьев 236, 237; Худяков 23), трудные задачи царя подданному, чтобы погубить его и завладеть его женой (СУС 465А, В, С: Афанасьев 212—215 и др.), зятьям — для проверки соответствия их высокому социальному статусу (СУС 530А=АА 530*В: Афанасьев 182—184), потенциальному зятю (СУС 560: Афанасьев 190, 191) чародея — отцу или матери ученика (СУС 325: Афанасьев 250, 251) и т. п.

III. **Помощь:** призыв о помощи — оказание ее или отказ в ней. Таковы просьбы к братьям подоспеть в нужную минуту в «Бое на калиновом мосту», просьба героя к птице вынести его на белый свет в «Трех подземных царствах», просьба заспоривших мыши и воробья рассудить их (СУС 222*В=АА 222*В: Афанасьев 221, 224; Зеленин-1, 13), просьба волшебной девы-птицы не губить ее (СУС 465А: Афанасьев 212), Медного лба — освободить его из темницы (СУС 502: Афанасьев 123—126), просьба пойманного Балдака Борисьевича (СУС 946А*=АА *946) к товарищам сослужить ему «последнюю службу» (Афанасьев 315), а в Русском Устье — просьба Памфила-вора не губить его дружины, а губить только его (Фольклор РУ 13), и пр.

Помощь может и не оказываться: «умные» братья в «Сивке-Бурке» отказываются взять дурака с собою; загубленная Аленушка не может помочь братцу-козленочку (СУС 450: Афанасьев 261—263); в русскоустынской редакции «Золушки» (СУС 510А: Фольклор РУ 30) «хорошие» сестры не хотят помочь тонущему, вытащить его из болота, а «худая» помогает, вытаскивает; святой Касьян отказывается помочь мужику вытащить воз из грязи (СУС-790**): Афанасьев Легенды 11).

Помощь очень близка к предыдущим звеньям и иногда замещает их.⁴⁴

⁴⁴ Так, в «Емеле-дурачке» (СУС 675: Зеленин-1 63) невестки не наказывают или приказывают, а просят принести воды, в «Дураке Емеле» (Афанасьев 166) — то приказывают («ступай за дровами!»), то про-

Помощь — оформление в сказке действия важнейшего социального закона — закона взаимопомощи.

IV. Захват (подвох): подвох и принятие или непринятие его. Как и в предыдущих звеньях, действие может направляться как на самого героя, так и на его противника. В «Чудесном бегстве» жертвой подвоха оказываются отец героя («Отдай, чего дома не знаешь!»): СУС 313А), дочь Морского царя (герой захватывает ее рубашку или крылышки), Морской царь и его слуги (подвохи-превращения в пути во время бегства героев), сам герой (в варианте Русского Устья Морской царь отправляет его к своим братьям-людоедам, но герой благодаря помощи суженой подвоха избегает — Фольклор РУ 23, 38).

Захвата может не произойти: герой не попадает в ловушки змеих (СУС 300А=АА 300*В= К 303),⁴⁵ избегает *подвоха* с сильной и бессильной водой (СУС 301А, В: Афанасьев 129, 130). Неприятно подвоха обычно предшествует *разведка*.

Интересен эпизод встречи героя с Ягой на пути в иное царство. В одних вариантах, явно поздних, Яга (иногда бабушка-задворенка) сразу встречает гостя хлебосольно, в других она сначала угрожает съесть его, но герой отводит угрозу с помощью подвоха, напоминая Яге о законе гостеприимства (требуя сперва накормить, напоить и пр.): статус гостя исключает причинение ему вреда, он всегда под покровительством хозяина.

Захват — четко выраженный тип социальной коммуникации, дающий власть над противником всякому, кто сумеет воспользоваться плодами подвоха.

V. Разведка: разведывание обстановки и получение или неполучение (выдача или невыдача) сведений. Это звено довольно часто оформляется с помощью приема утверждения через отрицание.⁴⁶ Герой через жену пытается узнать, где находится смерть Кашея, и разведка удается только после двух неудач (СУС 302₁: Афанасьев 159 в контаминации); герой прячется от Елены Премудрой, и той дважды удается узнать где, а на третий раз ее *разведка* кончается неудачей (СУС 329: Афанасьев 246).

сят («сходи хоть за водой!») или приглашают помочь («ты бы пошел»); в «Молодильных яблоках» (СУС 551: Афанасьев 175—177) отец просит (а не приказывает или дает задание) достать лекарство для его больных глаз (наказ-задача дан в такой мягкой форме, что воспринимается как просьба о помощи). Таков наказ или просьба орла не убивать, а выхаживать его в «Чудесном бегстве» (СУС 313В, С: Афанасьев 220, 221; Фольклор РУ 23).

⁴⁵ А змеиха в образе свиньи в его ловушку попадает (Афанасьев 136).

⁴⁶ См.: *Венедиктов Г. Л.* Внелогическое начало в фольклорной поэтике // Русский фольклор. Л., 1974. Т. 14. С. 231—235 — о приеме утверждения через отрицание.

Разведка сродни захвату, ибо знание о противнике сродни власти над ним. В сказках она иногда принимает форму действия: в «Бое на калиновом мосту» герой превращается в муху (Афанасьев 136), воробья (Афанасьев 137), голубя (Худяков 6), котика (Афанасьев 135) и других и узнает нужное, но чаще — форму простого вопроса: жена, невеста (Афанасьев 157) или мать (Афанасьев 156) героя спрашивает Кашея о его смерти; Яга спрашивает подвластных ей животных (СУС 301₂: Афанасьев 157); герой выпрашивает о способностях будущих товарищей перед заключением с ними товарищеского союза (СУС 513А: Афанасьев 137) и т. д.

VI. Испытание и правильная или неправильная реакция героя. Под этим звеном разумеется косвенное испытание: перед героем не ставится никакой задачи, ситуация возникает перед ним совершенно неожиданно, смысл того или иного ее решения остается самому герою неясным. Он здесь как будто независим от субъекта, создающего ситуацию, полностью свободен в выборе. Герой встречает обреченных животных и спасает их (СУС 560: Афанасьев 191; Садовников 5), ему предстоит трудный выбор (СУС 550: Афанасьев 168). Он не ждет пользы от своего поступка или награды за него, да и польза или награда за верный поступок герою остается неясной. В поздних вариантах может встречаться нелепый для народной культуры торг (влияние буржуазных отношений). Такой торг нелеп, ибо обнаруживающаяся «выгода» превосходит все ожидания; здесь сама ситуация говорит не о расчетливости героя, а о его бескорыстии.

Часто испытание сопровождается просьбой о помощи, так что трудно определить, *испытание* или *помощь* являются главными. Например, стрелок набредает на птицу, прицеливается, иногда ранит, и та просит не убивать ее;⁴⁷ голодный или ищущий звериного молока герой находит и не убивает желанную добычу;⁴⁸ Емеле везет — ему случайно попадает в ведро щука, которой можно «разговеться» (СУС 675: Афанасьев 166, 167).

Испытание персонажа — это испытание его на знание законов социальной взаимопомощи: герой выдерживает экзамен — антигерой нет.

Здесь не относится толкуемый В. Я. Проппом как испытание героя с помощью пищи мертвых эпизод в избушке Яги.⁴⁹ Напротив, герой здесь не испытываемый, а хозяин положения:

⁴⁷ Напр.: СУС 465А: Афанасьев 212; эпизод СУС 313В: Афанасьев 219—221 и др.

⁴⁸ Напр.: СУС 302₁: Афанасьев 156; СУС 400₁=АА 400А=К 400А, В, С, D: Афанасьев 268; СУС 554: Садовников 4; СУС 315=АА 315А: Афанасьев 202, 204.

⁴⁹ *Пропт В. Я.* Исторические корни... С. 53, 54, 56, 65, 67, 79, 80.

угрозе Яги герой противопоставляет подвох, требуя накормить и прочее, т. е. поступить согласно закону гостеприимства.⁵⁰ Накормленный, он уже гость, и хозяйка дома должна служить ему. Перед нами *захват* (иногда — испытание героем Яги на знание законов гостеприимства).

VII. Предложение и принятие или непринятие его. Чаще всего это предложение брака, как в «Волшебном кольце», «Кашее», «Елене Премудрой». Либо — предложение союза, дружбы (в древности, вероятно, побратимства, очень важного и частого союза): таково предложение встречным богатырям (или богатырей) в «Трех подземных царствах».

Предложение может исходить от любой стороны и заменяться другим звеном, например, *помощью* или *встречей*: так, богатыри могут быть приглашенными, или просто встреченными, или просить о товариществе. Например, о принятии в товарищи просят чудесные старички — будущие помощники героя (СУС 513А: Афанасьев 137 в контаминации); богатыри Усыня, Горыня и Дубыня (СУС 301А, В: Афанасьев 141) и др.

VIII. Встреча неантагонистов и заключение союза или разрыв уже заключенного союза (брак, братание, служба, предательство). Чаще всего это побратимство, заключение товарищеского союза (как в *предложении*, но без формального предложения союза): герой на пути к цели встречается будущих товарищей — Вырвудуба, Вернигору, Усыню, Объедалу, Опивалу и т. д. — и дальше они едут вместе. В современных записях смысл этого когда-то великого союза (обряда) остается неясным.

Встреча с девицей выступает как заключение брака в разных сюжетах (напр., в контаминации Афанасьев 159). В ряде вариантов сказок неясно, что речь идет именно о супружестве, ибо дохристианский брак обходился без церковного венчания и порою не ограничивался союзом только с одной супругой.⁵¹

⁵⁰ Речь идет не только о кормлении. Мотив еды, вообще, может отсутствовать: например, от хозяйки требуется слезть с печи и посидеть с гостем (Афанасьев 137).

⁵¹ Особенно ярко это проявляется в записях И. А. Худякова (СУС 301А, В). В одной из сказок хозяйки медного и серебряного царств просят героя взять их замуж с оговоркой: не за себя, так за брата, — и дают по яйцу, в которое скатывают все свое имущество; в конце герой прощает братьев и *разрешает* им жениться на царевнах медного и серебряного царств (Худяков 2). В другой сказке каждая из двух девиц дает ему кольцо и посылает к следующей сестре; последняя помогает убить льва только за обещание жениться на ней. Сестер герой сразу предназначает в жены братьям, но женится на нареченной, а братьев бросает в ров, наказывая за предательство (о судьбе девиц не говорится) (Худяков 114). В третьем тексте девки указывают герою путь к матери за обещание взять замуж, дают по перстню, потом скатывают дворцы в яички, и братья спускают мать и

Иногда звено кончается принятием героя на службу, в подданство и т. п.⁵² Заключение союза обнаруживается лишь в дальнейшем, когда «встреченным» обязательно даются ответственные задания.

Если же встреча оказывается встречей людей, уже связанных договором, родством (товарищи, братья), то ситуация может разрешиться разрывом союза, предательством, как, например, в «Молодильных яблоках», где старшие братья обкрадывают и убивают младшего: сбрасывают в пропасть (СУС 551: Афанасьев 173), рубят на куски (Афанасьев 172).⁵³

IX. Клеймение: наложение знака и узнавание или не узнавание по знаку. В одном случае это буквальное нанесение клейма: в «Сивке-Бурке» царевна клеймит допрыгнувшего до нее дурака (Худяков 10) и потом узнает его по этому клейму.⁵⁴ Перед нами форма заключения брака. В других случаях это не клеймо, а знак, по которому узнается герой: например, кольцо или перстень царевны, ее платок.⁵⁵ Жена героя, обретенная в результате *захвата*, дает мужу в дорогу полотенце (убрус, ширинку, платок своей работы и пр.) — знак, по которому Яги признают в герое родственника и оказывают ему помощь (СУС 465А, С, В: Афанасьев 212, 215, 216); Яги дают герою или героине «тряпóк» или платок для «смягчения» или укрощения сестры и получения от нее помощи (эпизод СУС 551: Балашов 65; СУС 432: Балашов 88).

Третий случай, где предметы, оставленные героем, подают знак о необходимости ему срочной помощи, наиболее ярок в «Бое на калиновом мосту»: герой оставляет товарищам или братьям нож с полотенцем и тарелку, миску или таз, которые наполняются кровью и пр. (Афанасьев 136—138). См. также эпизод в контаминации «Марья Маревна»⁵⁶ (Афанасьев 159), где герой оставляет мужьям сестер серебряные вещи, чернеющие, когда Кашей отнимает у него жену или убивает его, и др.

всех трех *его* невест; дома его просто венчают с хозяйкой золотого царства, а старших сыновей казнят за предательство царь (Худяков 3). В четвертом тексте девушка только одна — украденная царевна (Худяков 5).

⁵² См.: СУС 653: Афанасьев 145—147; Фольклор РУ 26, 32; СУС 531=К 531: Афанасьев 170 и др.

⁵³ Характерно и для других сюжетов: например, братья сбрасывают героя в ров (Худяков 113 в контаминации).

⁵⁴ Царевна может одновременно заклеить героя и оставить ему «опознавательный знак» — клеймо и платок (СУС 530=АА 530А и 530А=АА 530*В: Афанасьев 184) — или ограничиться одним из них (Афанасьев 181).

⁵⁵ В разных сюжетах, например, в СУС 530=АА 530А: Афанасьев 181, в СУС 301А, В: Худяков 5, СУС 300=АА 300А: Афанасьев 176 в контаминации, СУС 532: Афанасьев 295 и в других сюжетах.

⁵⁶ Так у автора, считавшего, что отчество героини происходит не от «моря», а от мужского имени Марей (церк. Мáрий). — М. Н.

Х. Противостояние (антагонизм): вызов, вредительство, нанесение недостачи и обнаружение супротивника, затем принятие вызова или отказ от сопротивления. Смысл звена — в обнаружении противников. Чаще всего оно раскрывается как обмен словесными ударами, как похвальба одного и осаживание его другим. Это почти обязательный сказочный ритуал встречи противников. Ситуативность первой функции подчеркивается тем, что «супротивник» находится часто не сразу, а лишь на третий раз. Для такого ритуала типично «выдувание» полей, «токов» для боя в разных сюжетах,⁵⁷ кормление друг друга железной пищей в «Катигорошке».⁵⁸ Наиболее сложная форма противостояния встречается в «Курочке рябе» (СУС 2022В=АА *241 III, 2022), где отказ от сопротивления беде принимает гротескную форму всеобщего отчаяния по ничтожному поводу (яичко разбилось).

XI. Борьба (противоборство): столкновение и победа или поражение.

Столкновение происходит по закону звена, как диалог действий, как обмен ударами (если это бой), последний из которых приводит к победе или поражению. Но иногда бой ведется уже как одновременное взаимное действие. Поражение героя часто раскрывается как его смерть.⁵⁹

Сказка по своей морфологии не призвана отражать процессы, их длительность. Процесс боя раскрывается уже на синтаксическом уровне как повторение взаимных ударов, через гиперболизацию *борьбы* и прием утверждения через отрицание: дважды неудача, а победа на третий раз. В «Бое на калиновом мосту» герой изнемогает, просит помощи у заснувших товарищей, но лишь на третий раз прибегают либо они, либо конь героя, помощь оказывается и он наносит победный удар.

⁵⁷ Например, выдувание «токов» для боя в «Бое на калиновом мосту» (Худяков 6), «Трех подземных царствах» (Афанасьев 139), «Катигорошке» (Афанасьев 133, 134), «Победителе змея» (Зеленин-2 24).

⁵⁸ Пища змея — железные бобы и хлеб (СУС 312D=АА*312 I: Афанасьев 134); пища Ворона Вороневича — «чигунные орехи» (СУС 312D=АА *312 I: Зеленин-1 27).

⁵⁹ Смерть героя от руки противника — нередкий случай: Кашей дважды шадит и наконец убивает героя (Афанасьев 159), в «Молодильных яблоках» его сбрасывают на тот свет или убивают братья; в «Неверной жене» губит героя португальский король либо названный по-другому любовник жены (СУС 318=АА 315*В=К 568: Фольклор РУ 4, 21 — в контаминации); в «Катигорошке» змей убивает братьев героя (Афанасьев 134); в «Двух братьях» (СУС 303=К 300) одного из них колдунья превращает в камень (Куприяниха II в контаминации), глотает (Афанасьев 155). Там, где гибель героя происходит в результате действия другого звена (*захвата*, подвоха колдуни в «Двух братьях»), гибель описывается коротко или просто констатируется.

Борьба часто предваряется похвальбой, словесным поединком (*антагонизм*). Примечательно, что силой хвастает противник героя, а последний осаживает его. Таким образом, бой в русской сказке складывается в целый ритуал из *антагонизма* (X), *борьбы* (XI) и *помощи* (III), с повторением и варьированием звеньев, причем суть боя — борьба. Так в звеньевой цепи складываются излюбленные для данной традиции сращения.

XII. **Преследование** и спасение или не спасение от него. Таково удачное бегство Симеонов с похищенной царевной, бегство от Морского царя, от царь-девицы с живой водой и (или) молодильными яблоками, бегство от змеих в «Бое на калиновом мосту» — удачное для героя и неудачное (или не всегда удачное) для его спутников, бегство от Кашея — дважды неудачное и под конец удачное, и пр.

XIII. **Соперник (притязания)**: притязания и подтверждение или неподтверждение их. Чаще всего звено выступает в форме, отмеченной В. Я. Проппом: ложные притязания и их разоблачение.⁶⁰

С притязаниями может выступить сам герой, и тогда они подтверждаются: притязания на победу над вредителем в сюжете «Солдат находит исчезнувшую царевну» (Фольклор РУ 4, 21), на решение задачи (добывание диковинок. — М. Н.) в «Свинке — золотой щетинке» и др.

Этим звеном оформляются притязания царя, генерала или купца на супругу героя (СУС 465А, В, С): за соперником героя стоит сила, он оказывается вовсе не «ложным», в классовую эпоху он воплощение некоей социальной и антинародной силы. Звено *соперник* выражает скрытый антагонизм как противостояние внутри социума, исторически это последняя форма противостояния.

Особое отношение вызывает пара Пропповых функций (двадцать третья и двадцать девятая): неузнанное прибытие и трансфигурация (преображение, повышение статуса), реабилитация героя. Например, в «Трех подземных царствах» или «Молодильных яблоках» он после смертельных передрыг возвращается на родину неузнанным, но решает трудные задачи и возвращает себе статус героя. Обычно это следует за звеном *притязания (соперник)*, за разоблачением ложного героя. Казалось бы, стоит поднять вопрос о звене XIV (**реабилитация**).

Как будто именно переход от низкого [социального] положения к высокому выражает существо сказок о приниженном герое, сироте, запечнике. Однако здесь речь идет не о звене, а о теме, о сюжете в [современном,] «незвеньевом» понимании: ведь сказки о падчерице и запечнике оформляются вышеназванными зве-

⁶⁰ Например, в сюжетах «Три подземных царства», «Молодильные яблоки», «Чудесная дудочка», «Солдат находит исчезнувшую царевну» и пр.

нями и в дополнениях не нуждаются. Возражения против четырнадцатого звена диктуются морфологией сказки. Во-первых, вводной функции (неузнанное появление) противостоит не два, как обычно, а только одно действие (преображение, реабилитация). Во-вторых, субъекты двух функций звена всегда разные, а здесь субъект один: и «прибывает», и «преображается» герой. Проверка показывает, что преобразование — это следствие действия предыдущего звена (разоблачения ложного соперника или правильного решения поставленной задачи). Таким же следствием (следствием предательства братьев, поражения или смерти) оказывается и неузнанность героя. В сказках о запечнике («По щучьему велению», «Сивко-Бурко», «Золушка») такая «неузнанность» — просто исходное положение героя.

Таким образом, перед нами не звено, а пара действий — очень существенных для понимания хода сказки, но функциями не являющихся. Очевидно, что кроме функций в сказке есть еще сюжетообразующие величины, о чем будет сказано ниже.

Итак, бесспорных звеньев тринадцать. Исключая последнее (*соперник*), их легко сгруппировать по трое, тогда *наказ, задача и помощь* составят группу «Деяние»; *захват (подвох), разведка и испытание* — группу «Препятствие»; *предложение, клеймение и встреча* — группу «Союз»; *противостояние (антагонизм), борьба (противоборство) и преследование* — группу «Антагонизм» («Борьба») (в вариантах статьи соответственно «Деяние», «Услуга», «Договор», «Борьба». — М. Н.). В каждой группе первое и последнее звено противопоставлены по активности — пассивности. Отметим, что группы складываются эмпирически.

Внутри каждой группы хотя бы часть звеньев взаимозаменяема. По существу, в практике рассказывания одно действие может оформляться то *наказом*, то *задачей*, то *помощью*. Так, в «Сивке-Бурке» отец, умирая, может то приказать детям дежурить на могиле, то попросить их об этом. Морской царь то дает наказ герою, то ставит перед ним задачу. Эпизод о герое в избушке на курьих ножках оформляется то *захватом*, то *испытанием*, а по существу герой часто совершает здесь *разведку*: Яга обязательно указывает ему дорогу. Встреча героев может оканчиваться формальным *предложением*, а может обходиться без него, но союз всегда заключается. Близость *антагонизма* и *борьбы* тоже очевидна. Взаимозаменяемости звеньев разных групп обычно не наблюдается, только *помощь* может тяготеть к разным группам и выступать в различном значении.

Отметим, что только первая группа отражает отношения внутри социума, три другие охватывают и межсоциумные отношения.

Относительный порядок между звеньями или их группами все же существует. Но он вовсе не соответствует неким праобряз-

ду и прамифу, а отражает понимание человеком жизни как цепи деяний, в которой большую роль играют преодоление препятствия и услуга, социальный союз и борьба. Эта матричная мысль и определяет порядок функций, который был во многом угадан В. Я. Проппом. В любом случае морфология сказки в мифологических подсказках не нуждается.

Возможно, что порядок звеньев и вообще раскрывает историческое становление социальных отношений. Так, первое звено *наказ* в основе своей несет древнейший институт табу, лежащий в фундаменте таких явлений, как экзогамия и тотемизм. Последнее, *соперник*, выражает противостояние внутри социума.

«Неиспорченная» сказка легко укладывается в звеньевую цепь. Однако надо иметь в виду, что звенья могут не только следовать одно за другим, но и составлять пирамиду. Часто причиной или условием замыкания, завершения звена служит иное звено или ряд иных звеньев, так что складывается целая пирамида — конструкция, внутри которой оказывается несколько звеньев. В ней всегда наблюдается строгий порядок: звено может находиться только внутри другого звена, следующее звено — внутри второго и т. д.; но половинки звена (функции) не могут быть разбросаны внутри разных звеньев. Пирамида звеньев может быть сколь угодно высокой, но закон этот неукоснительно соблюдается. Исключение только одно — *клеймение*. Внутри звена может находиться не только пирамида, но и цепочка звеньев, иногда осложненная их пирамидой.

Посмотрим, как выполняется задание царя достать диковинку в «Пойди туда, не знаю куда».⁶¹ Царь задает герою задачу — достать диковинку. Но, чтобы ее решить, герой должен ответить на расспросы жены о причине его горя — звено *разведка*; жена его — дать *наказ* слугам (а те — выполнить его); произвести *клеймение* героя, снабдив его полотенцем, по которому Яги узнают в нем «своего»; герой должен пройти *испытания* в доме новой родни, Ягишен; последняя Яга — произвести *разведку*, расспросив зверей о Невидимке; герой должен выполнить *наказ* лягушки, которая предлагает перевезти его через огненную реку; произвести *разведку* — узнать, как ведет себя Невидимка; сделать *предложение* послужить ему, выдержать *испытание* (приглашает Невидимку вместе пообедать и выдерживает испытание): следствием выдержанного героем испытания является служба ему

⁶¹ По всей видимости, речь идет о разборе не всего сюжетного типа «Красавица жена» (СУС 465А), а конкретного текста (Афанасьев 212). Для него автор ошибочно называет Ягишнами и Ягой красавиц-сестер героини и старуху мать в великолепном дворце. Герой ведет себя с тещей и свояченицами так же, как с Ягой, требуя прежде расспросов проявить гостеприимство. — М. Н.

Невидимки (атрибут звена *испытание*). Таким образом задача достать Невидимку оказывается выполненной. Нередко пирамида звеньев еще выше.

С помощью звеньев можно дать морфологическое описание любого сказочного текста и, согласно нумерации звеньев, составить его формулу, причем описание и формула могут быть краткими или развернутыми. При этом надо учесть, что звенья внутри смысловых групп могут быть взаимозаменяемыми.⁶²

Рассмотрим теперь конкретный текст «**Семь Симеонов**» (СУС 653: Афанасьев 145, подробное описание).⁶³

Встреча: отец приводит детей царю, тот производит неудачную *разведку* (отец не дает сведений об умениях сыновей), затем удачную (выспрашивает каждого о его ремесле и получает ответы) и принимает Семенов на службу. Царь дает *наказ* одному из братьев узнать, что делается на свете — наказ выполняется. Царь ставит *задачу* достать царевну — задача, благодаря раскрытию умений каждого из братьев, выполняется. Царь приказывает узнать, кто приехал, и узнает, что Семены; дает *наказ* встретить их пушечным боем, что исполняется. Далее текст скомкан: *предложение* и *разведка* (царевна не хочет замуж за царя, хочет за Семена, и царь соглашается). Приказ обвенчать с Семеном — апофеоз.

[Формула сказки:] VIII — V; 7V — VIII; I; II — 7II; I — V — I; I; VII — V — VII; I!

Неструктурным в данной сказке оказывается самый конец: «Только царевна не пошла за царя взамуж: он был уже стар». Это нетипичный для сказки кусок: надо, чтобы царь, например, делал предложение, и героиня отказывала.

«**Молодильные яблоки**» (СУС 551: Афанасьев 175, краткое описание).⁶⁴

Помощь (царь ищет, кто бы выполнил задачу, и находится старший сын); *задача* (ставится задача, старший сын едет выполнять ее и не выполняет), внутри звена *задача* находятся звенья *наказ* (герой наезжает на дуб с надписью-предвещением, оно исполняется) и *захват* (Ирина устраивает ловушку герою, тот

⁶² Звенья обозначаются римскими цифрами. Законченные звенья отделяются друг от друга точками, тире отмечают включения в звено других звеньев; если они велики, то могут применяться круглые и квадратные скобки (см. формулы). Апофеоз обозначается «!», периоды — «;».

⁶³ Тексты (Афанасьев 145 и 147) имеют общее название, но в данном тексте говорится не о Симеонах, а о Семёнах. — М. Н.

⁶⁴ В данном варианте автором дано подробное описание текста (включая внеструктурные куски и обломки звеньев), уместное для монографии. Оно заменено кратким вариантом описания, взятым из следующей редакции статьи. Формулы сказки в них тоже различаются. — М. Н.

попадает в нее и оказывается в подвале) — таким образом, задача не выполняется. Все повторяется в отношении второго царского сына. *Помощь* (царь просит помощи — младший сын вызывается помочь), *задача* (которая на этот раз выполняется), внутри звена *задача* звенья *разведка* (герой выпрашивает бабушку-задворенку о нужном коне — та дает ответ), *наказ* (герой наезжает на дуб с предвещением) и *захват* (заставляет бабушку-задворенку служить себе); далее скомканный кусок — задача выполняется. Затем *преследование* (погоня и спасение от нее); далее *наказ* и его исполнение (опять приезжает к дубу), *захват* («подвоха» Ирины герой избегает, но сам устлавает ей ловушку и благодаря этому спасается и спасает братьев); *наказ* (некий старичок предупреждает героя о смерти), внутри звена — *встреча* (братья убивают героя), *захват* (старичок захватывает ворона, тот достает живой воды, в результате герой воскресает);⁶⁵ далее *наказ* (царь-девица требует виноватого — он выдается): внутри него звено *соперник* (необоснованные претензии старших братьев) — дважды, наконец *наказ* выполняется, следует апофеоз.

(III. II — I. IV — II.)²; III. II — (V. обломки звеньев I. IV) — II; XII — (обломки) — XII; I. IV; I — VIII — I.IV; [I — (XIII — V — XIII) — I]²; I — I. V — I!⁶⁶

Текст содержит довольно большое количество обломков разрушенных звеньев и внеструктурные фрагменты.

«Горшения» (СУС 921E*=AA *921 II: Афанасьев 324, краткое описание).

Задача (царь задает загадку — она в конце концов отгадывается), внутри этого звена — *помощь* (барин выпрашивает, кто бы помог, и горшения отказывается), *предложение* (предложение денег за разгадку — горшения отказывается) и *помощь(?)* (горшения обещает царю отгадку и выполняет обещание); далее *наказ* (царь велит каждому являться к нему только с горшком, купленным у отгадчика), внутри звена *наказ* — *помощь* трижды (барин просит продать — горшения не продает) и *захват* (горшения вместо платы предлагает везти его на себе — барин принимает подвох), апофеоз.

II — (III. VII. III?) — II; I — (III. IV) — I!

Обратим внимание на то, что «Семь Симеонов» и «Горшения» сюжетно относятся к позднему этапу сказки, и все же их композиция целиком находится в рамках позвеньевого цепи, не считая

⁶⁵ Далее скомканный кусок: вероятно, речь о своеобразной просьбе о помощи и оказании ее старичком.

⁶⁶ Внутри *задачи* братьям находится цепочка звеньев, а внутри *наказов* царь-девицы — пирамида звеньев. Выдачей виноватого снимается противостояние героини царю (звено X). — М. Н.

незначительных перебоев (в первой сказке *наказ* узнать о событиях в мире дается одному герою, а должен бы всем; звено *помощь* во второй сказке: надо бы, чтобы не горшения обещал разгадать загадку, а царь просил — горшения исполнял).

Понятие звена и звеньевой цепи дает в руки исследователя инструмент, позволяющий не только опознать народную сказку, но и отчленить канонические, традиционные части ее от морфологически [не оформленных,] скомканных, с обломанными звеньями, с описаниями вместо последовательного раскрытия, инструмент для разделения древних слоев сказки и слоев верхних, возникших под влиянием литературы письменной, с новой эстетикой, чуждой собственно сказочной структуре. Любой не оформленный согласно законам морфологии сказки период свидетельствует о нарушении цельности конкретного текста, о том, что перед нами либо забытый сказочником сюжет, либо усвоенный из письменного источника, либо свидетельство распада сказочного творчества, либо творчество рассказчика современного типа, включающего в себя только сказочные мотивы, а не структурированную ткань, либо это описательная, вольная, неяршливая запись...

В позвеньевую цепь не укладываются фрагменты, которые и на слух воспринимаются как материал, чуждый сказочному канону, как порча. При нарушении законов построения народной сказки в первую очередь страдает [основной] закон двусубъектности звена. Пример нарушения законов сказочного мира демонстрирует текст «Молодильные яблоки» (Афанасьев 173).⁶⁷

Перейдем к завершению описания звена и морфологических единиц сказки. Каждое звено в реальности состоит из двух «функциональных». Однако ими не исчерпываются действия, существенно важные для «хода» сюжета. В число таких действий, не являющихся ни вводом в ситуацию, ни выводом из нее, входят следствия разрешения ситуаций определенным образом, следствия функционирования звена. Их можно назвать атрибутами звена. Атрибуты звена не надо путать с атрибутами — свойствами персонажей (волшебная жена — помощница мужа; Яга — в более древних вариантах — всегда людоедка и т. п.), даже если перед нами похожие действия. Так, змей начала сказок — похититель: он похищает сестру Катигорошка (Афанасьев 133, 134) в силу

⁶⁷ Здесь герой сам создает себе ситуацию и решает ее; вместо благодарности за перевоз убивает помощника, а разведка при этом оказывается чисто формальной. Герой добывает волшебное зелье, усыпляет с его помощью великана (*захват!*), а потом убивает его. Здесь убийство выступает окончанием звена *антагонизм*, но где его начало? Весь материал не каноничен для данного сюжета — перед нами, [вероятно], личное творчество сказочника.

своей природы похитителя женщин — это свойство, характеристика, атрибут данного персонажа. Похищение же героини Кашеем в «Марье Маревне» — это следствие звена *захват*: герой поддается на уловку (подвох) противника, в результате Кашей набирается силы, получает власть над ним и похищает его жену.⁶⁸ Такое действие, не зависящее от характеристики персонажа, но являющееся результатом функционирования звена, и будет атрибутом этого звена.

Так, выполнение *наказа* (например, наказа отца дежурить на его могиле в «Сивке-Бурке») всегда ведет к одариванию героя,⁶⁹ невыполнение часто приводит к беде (например, исчезновение волшебных супругов из дому часто является результатом сжигания «звериной» шкурки без их наказа),⁷⁰ выражением крайней степени беды может стать смерть героя.⁷¹ Выполнение поставленной задачи повышает статус героя (например, делает его царским зятем).⁷² Оказание помощи героем (героиней) делает обязательной ответную помощь ему (ей) в трудную минуту — благодарных животных, отпущенного пленника, Емелиной шуки, накормленной падчерицей мышки,⁷³ и пр. Таково и очень важное для ряда сюжетов воскрешение героя животными, которых он в свое время в ответ на просьбу не есть их, пожалел и отпустил.

Захват персонажа или героя дает власть над ним. В результате, например, Яга служит герою, ворон добывает живую и мертвую воду для оживления героя⁷⁴ или его брата. Удавшийся подвох противника приводит к похищению жены героя Кашеем, к зато-

⁶⁸ Змей как похититель женщин: СУС 312D=AA*312 I (Афанасьев 133, 134); Кашей похищает жену героя: СУС 302₂ (Афанасьев 159).

⁶⁹ В некоторых вариантах у отца три волшебных коня, по числу сыновей, и все они достаются дураку. Если конь один, то он много раз служит герою, если их три, то каждый раз дурак выезжает на новом коне (и в «Сивке-Бурке», и в «Свинке-золотой щетинке»).

⁷⁰ См.: СУС 402, далее СУС 400₁=AA 400A=K 400A, В, С (Афанасьев 267—269). Иногда это благо: СУС 430 (Афанасьев 277) и др.

⁷¹ Не только подвох матери-героини, но и нарушение запрета мужа говорить о том, как его вызвать, приводит к смерти мужа-водяника (СУС 425 M=K458: зап. от А. Я. Кольцовой 1907 г. р. из д. Обрамово Тихвинского р-на Ленинградской обл. в 1984 г. — хран. в личном архиве Г. Л. Венедиктова. — М. Н).

⁷² В «Сивке-Бурке» и «Волшебном кольце» он становится мужем царевны, в «Чудесном бегстве» (СУС 313A, В, С) получает предложение Морского царя жениться на его дочери (Афанасьев 219, 220).

⁷³ Соответственно СУС 554 (эпизоды в Афанасьев 159, 160 — помощь в добывании волшебного коня); СУС 502 (Афанасьев 123—125); СУС 675 (Афанасьев 165, 166), СУС 480=AA480*C (Афанасьев 98: родная дочь, отказавшая мышке в помощи, гибнет) и пр.

⁷⁴ Оба примера входят во многие сюжеты. Так же горностаи добывает волшебный перстень героя для кота и кобеля (СУС 560 Фольклор РУ 8).

чению братьев в погребке Ирины-мягкой перины⁷⁵ и прочим бедам. *Захват* персонажа или герою иногда ведет его к гибели. Удачная *разведка* позволяет, например, герою «Боя на калиновом мосту» избежать беды и спастись от змеих⁷⁶ и пр. Атрибутивность звеньев *захват* и *испытание* проявляется особенно наглядно. Герой выдерживает испытание: спасая собаку и кота, он получает верных помощников (СУС 560: Афанасьев 190—191), приглашая Невидимку разделить с ним трапезу, обретает вечного слугу (СУС 465А: Афанасьев 212); пройдя испытание железной пищей противника,⁷⁷ Катигорошек обеспечивает себе победу в борьбе.

Заключение союза в результате *предложения*, *клея*, *встречи* ведет к обязательной службе или помощи герою в нужную минуту,⁷⁸ к соблюдению законов братства и товарищества названными или родными братьями (до их предательства — расторжения союза). То, что В. Я. Пропп назвал «неузанным прибытием», является, скорее всего, следствием поражения или гибели героя в результате разрыва братского или товарищеского союза. Вероятно, к атрибутам *встречи* с царевнами иного мира относится в «Трех подземных царствах» свертывание ими своих царств в яички (Афанасьев 132, 139), клубочки (Афанасьев 130) — действия, необходимые для будущей реабилитации героя.

Свадьба, если она приходится на конец сказки (в сказках о Кашее, например, свадьба героя происходит в начале и подается очень скромно) оказывается не только атрибутом группы звеньев «Союз», но и апофеозом всей сказки. Так сказка подчеркивает, что свадьба — общесоциумное явление (см. застывшие формулы концовок сказок: «Я там был, мед-пиво пил...», «Нищие, бедные, подзамочники, подтюремщики бочками катили»); это типично для сказок Русского Устья и пр.).

⁷⁵ См.: СУС 302₂ (Афанасьев 159, в контаминации); СУС 551 (Афанасьев 175).

⁷⁶ См.: СУС 300А=АА 300*В=К303 (Афанасьев 136—138; Худяков 6). Разведка жены дает ей возможность выполнить свои задания (СУС 402: Афанасьев 269), задания мужа (СУС 313А, В, С: Афанасьев 219, 222—225; Фольклор РУ 23, 38), дать ему совет, например для обуздания «жеребца» (СУС 313А, В, С: Афанасьев 224; Фольклор РУ 23, 38), снарядить его в путь, снабдив путеводным средством (мяч, кольцо, клубок) и/или предметом (платок, ширинка, письмо), по которому ее родня признает его зятем и окажет помощь (СУС 465А и его контаминации с СУС 465В и С: Афанасьев 212—215, Зеленин-2 1, 32 и пр.).

⁷⁷ Железные бобы и хлеб змея (Афанасьев 134), «чигунные орехи» Ворона Вороневича (Зеленин-1 27).

⁷⁸ Такова служба или помощь шести чудесных помощников героя (СУС 513А), помощь волшебной жены, ее родни и пр. Служить могут и герои, принятые в подданство, на службу царем или изначально состоявшие на царской службе (Симеоны; Стрелец, герой «Конька-горбунка») и пр.

Наименее ясны атрибуты группы «Антагонизм (борьба)». Но следствия [функционирования] звеньев *противостояние (антагонизм), борьба (противоборство) и преследование* тоже порою совершенно наглядны.⁷⁹

К атрибутам относится и реабилитация героя — результат разоблачения соперника (звено *соперник* или *притязания*).⁸⁰

Атрибутивность является отражением законов тогдашнего мира, таких как родство, гостеприимство, взаимопомощь и т. п. То, что в ряде случаев эта закономерность ускользает от нашего внимания, объясняется отдаленностью от нас подобных явлений. Главный закон, выраженный звеном *наказ*, раскрывает господство традиции: *наказ* выступает обычно в форме приказа-наставления и воплощает вековую мудрость старших в социуме.

Итак, реальное сказочное звено состоит из двух (потенциально — из трех) функций или из двух функций и атрибута. Таким образом, морфология сказки выражается цепью звеньев, состоящих из двух (ввода в ситуацию и ее разрешения) или трех действий (ввода в ситуацию, ее разрешения и следствия этого разрешения) — вот они, «двучлены» и «трехчлены» А. И. Никифорова! Звенья и их атрибуты — это и есть морфологические единицы сказки.

«Ход действия» в сказке — последовательная цепь звеньев и их атрибутов. При этом атрибут может следовать непосредственно за породившим его звеном, а может отделяться от него сколькими угодно другими звеньями: так, змея в «Волшебном кольце» одаривает героя за свое спасение сразу, а кошка и собака помогают по мере надобности. Действие атрибута конкретного звена может быть однократным, разовым, а может повторяться в данной сказке многократно. Традиционная сказка поражает закономерностью своих действий и отсутствием случайностей. Атрибут звена можно обозначить в сказочной формуле как «а» после многоточия в степени соответствующего звена, например, ...а^{IV}.⁸¹

Единицы морфологии сказки этим исчерпываются. Мы уже говорили о том, что в звеньевой цепи внутри каждого звена может оказаться цепочка и пирамида звеньев; они также могут содержать атрибуты звена.

⁷⁹ Так, в результате победы над змеями пеший герой обретает богатырских коней сначала для братьев (именно кони, а не братья, помогают герою, вышибая третьего змея из седла) и себя (СУС 300А=АА 300*В=К303: Афанасьев 136).

⁸⁰ Характерно для СУС 550=К417 (Афанасьев 168), СУС 551, 300,=АА 300А и их контаминации (Афанасьев 171, 172, 174—178) и др.

⁸¹ Если атрибут следует непосредственно за породившим его звеном, знак степени может опускаться. (Таковы обозначения в формулах сказок, написанных автором. — М. Н.)

Пара слов о мнимом звене и мнимом (точнее обратном) атрибуте. Есть сказки со введением юмористического и сатирического материала. Возьмем сказку «Напуганные медведь и волки» (Афанасьев 44), ее вторую часть (сюжет «Кот — царь зверей»),⁸² где напуганные звери прячутся кто куда, а наши герои⁸³ принимают за приготовленную трапезу, кот при этом мурлычет, а напуганным слышится: «Мало, мало!» — кот, [увидевший хвост сурка], со страху лезет на сосну, а медведю кажется — за ним. Формально перед нами подвох и принятие подвоха. Но на деле подвох существует только в сознании напуганных, это мнимый подвох, который принимается за настоящий, мнимая «функция». Конец этой сказки — *разведка*. Лиса спрашивает медведя, не ушибся ли он падая, а медведь отвечает: «Нет, кумушка, если б я не прыгнул, кот бы давно меня съел!» И здесь вторая функция звена — мнимая. Несоответствие формы звеньев и их мнимого содержания дает комический эффект.⁸⁴ Если в научных работах писали об особом приеме комического, где поступки персонажей или условия, в которых они действуют, получают характер необычности,⁸⁵ то этот прием находит здесь себе морфологическую расшифровку.

При написании формулы мнимое звено можно обозначать надстрочным знаком «обратности» — стрелкой, направленной против движения, справа налево: \overleftarrow{V} , \overleftarrow{IV} .

Кроме мнимого звена встречается и мнимая (вернее обратная) атрибутивность. Вся сказка «Старая хлеб-соль забывается» (Афанасьев 27) строится на нарушении закономерной атрибутивности звена *помощь*: вместо благодарности следует обратная атрибутивность — неблагодарность.

Начало сказки таково: волк просит помощи — мужик спрашивает его и оказывает помощь. Вместо благодарности (атрибут звена *помощь*) волк демонстрирует неблагодарность и угрожает съесть мужика. В формуле эта мнимая, обратная атрибутивность может обозначаться как \overleftarrow{a} : III — V — III... \overleftarrow{a} . X... — и далее продолжение сказки.

В центре морфологического строения сказки оказывается не простая мифологема. Сложное сказочное звено показывает, чем сказка была первоначально, — цепью автономных ситуаций,

⁸² Сказка состоит из двух сюжетов: СУС 125 (Напуганные волки) и СУС 103А* (Кот — царь зверей); автор рассматривает часть только второго сюжета. — М. Н.

⁸³ Здесь: кот и баран, который занимает место лисы. — М. Н.

⁸⁴ Иными словами, реальным звеном оформляются оба действия, одно из которых в реальности оказывается мнимым.

⁸⁵ Тарасенкова Е. Ф. Жанровое своеобразие русских народных сатирических сказок // Русский фольклор. Л., 1957. Т. 2. С. 62.

их разрешений, а иногда — и следствий этих разрешений. Суть сказки заключалась в раскрытии способов выхода из различных ситуаций, т. е. в раскрытии форм поведения человека. Сказка начинается не с размышления, а с осознания, с типизации, с формализации этих форм поведения, ее морфологическая единица является не отражением мифологических представлений далекого прошлого, но выражением вечно актуальных законов социальной коммуникации.

Этим определяются достоинства и историческая ограниченность сказки. Сказка оказывается выражением коллективного, а не индивидуального взгляда на мир: она чужда психологизму, мотивировкам поведения, ориентирована вовне, она не рассуждает, а показывает фундаментальную основу характера человека — его действенность. Сказка говорит только о законах социума, поэтому ее действия носят характер «случайной неслучайности»: случайной, но необходимой победы, случайной как будто женитьбы, случайного, но неизбежного выезда из дому и т. п. Сказка — выражение общего, коллективного сознания, ее герой всегда оказывается дробью общего, дробью социума, сказка обнажает социальную сущность человека.

Из этого следует, что простейшая звеньевая цепь не несет идеи ни в форме мысли, ни в форме отношения, идейность сказки — это вопрос ее синтаксиса. Смысл сказывания сказки первоначально состоял не в донесении до слушателя идеи, не в обсуждении жизни, не в забаве, а в поддержании установленной традиции. Вспоминая наблюдения этнографов над условно «первобытностью», можно согласиться с императивным влиянием сказки на слушателей. Возможно, что с ослаблением императивности, побудительности звеньев сказки только и открывается дорога к идейности как к оценочности и пересмотру тех или других институтов. «Идейность» сказки просматривается как борьба между противоречащими друг другу институтами первобытности, например, между материнским и отцовским правом.

И. И. Ревзин писал о сказке: «...любая вторичная знаковая система, построенная на основе естественного языка, помимо свойственной ей эстетической функции, несет определенную коммуникативную функцию, облегчая языку его роль как средства общения».⁸⁶ Но морфологический анализ раскрывает сказку не как некую информацию, не как подобие речи, а как нечто своеобразное, не позволяющее перенести на нее законы структурной лингвистики. Ее морфология — инструмент для проверки

⁸⁶ Ревзин И. И. К общесемиотическому истолкованию трех постулатов Проппа (Анализ сказки и теория связности текста) // Типологические исследования по фольклору : Сборник статей памяти В. Я. Проппа (1895—1970). М., 1975. С. 89.

древности, подлинной «сказочности» текстов, отчленения в них сказки, жившей века и тысячелетия, от сказки периода упадка феодализма и сближения ее с литературой авторского типа. Морфология сказки раскрывает пласт, совершенно свободный от «авторского» начала, от произвола отдельных индивидуумов.

Такова морфологическая система русской и всей восточнославянской⁸⁷ сказки. Эта система в своей основе была заложена В. Я. Проппом и А. И. Никифоровым. Автору осталось, насколько [это] возможно [на данном этапе], попытаться завершить ее.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- РГО — Русское географическое общество
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
СУС — Сравнительный указатель сюжетов : Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.
Афанасьев — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. текстов, предисловие и примеч. В. Я. Проппа. М., 1957.
Афанасьев Легенды — *Афанасьев А. Н.* Народные русские легенды / Под ред. И. П. Кочергина. Казань, 1914.
Балашов — Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л., 1970.
Зеленин-1 — [Зеленин Д. К.] Великорусские сказки Пермской губернии / Сборник Д. К. Зеленина. Пг., 1914 (Записки Имп. РГО по отд-нию этнографии; Т. 41).
Зеленин-2 — [Зеленин Д. К.] Великорусские сказки Вятской губернии / Сборник Д. К. Зеленина. Пг., 1915 (Записки Имп. РГО по отд-нию этнографии; Т. 42).
ЗКП I — Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Имп. РГО по отд-нию этнографии / Под ред. А. В. Адрианова. Красноярск, 1902. Т. 1. Вып. 1.
ЗКП II — Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Имп. РГО по отд-нию этнографии / Под ред. Г. Н. Потанина. Томск, 1906. Т. 1. Вып. 2.
Куприяниха — Сказки Куприянихи / Запись сказок, статья о творчестве Куприянихи и коммент. А. М. Новиковой и И. А. Оссоветского; Вступ. статья и общ. ред. И. П. Плотникова. Воронеж, 1937.
Фольклор РУ — Фольклор Русского Устья / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Г. Л. Венедиктов, Н. А. Габышев и др. Л., 1986. № 1—66 (сказки).
Садовников — Сказки и предания Самарского края / Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. СПб., 1884 (Записки Имп. РГО по отд-нию этнографии; Т. 12).

⁸⁷ А возможно, и сказки восточноевропейской.

Смирнов — Сборник великорусских сказок Архива РГО / Изд. А. М. Смирнов. 1917. Вып. 1—2 (Записки РГО по отд-нию этнографии; Т. 44).

Худяков — Великорусские сказки в записях И. А. Худякова / Изд. подгот. В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева; Отв. ред. В. Г. Базанов. М.; Л., 1964.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В качестве примеров в статье использованы сюжеты:

СУС 1 Лиса крадет рыбу с воза (из саней)

СУС 2 Волк у проруби

СУС 103 Кот и дикие животные (103А* Кот — царь зверей)

СУС 125 Напуганные волки

СУС 155 «Старая хлеб-соль забывается»

СУС 222В*=АА 222*В Мышь и воробей (часть сюжета СУС 313В)

СУС 300₁=АА 300А Победитель змея

СУС 300А=АА 300*В=К 303 Бой на Калиновом мосту

СУС 301А, В Три подземных царства

СУС 301D*=АА 301*С Солдат находит исчезнувшую царевну

СУС 302₁ Смерть Кашея в яйце

СУС 302₂ Смерть Кашея от коня

СУС 303=К 300 Два брата

СУС 311 Медведь (леший, чародей, разбойник) и три сестры

СУС 312D=АА *312 I Катигорошек

СУС 313А, В, С Чудесное бегство: 313А начинаются эпизодом: черт (водяной) схватывают за бороду путника, пытающегося напиться; сказки типа 313В: человек спасает птицу, она уносит его в заморское царство, дарит сундучок, который нельзя открывать, он нарушает запрет; тип 313С оканчивается эпизодом «Забятая невеста».

СУС 315=АА 315А Звериное молоко

СУС 318=АА 315*В=К 568 Неверная жена

СУС 325 Хитрая наука

СУС 327F Мальчик-рыбак и ведьма

СУС 329 Елена (Алёна) Премудрая

СУС 400₁=АА 400А=К 400А, В, С, D Муж ищет исчезнувшую (или похищенную) жену (жена ищет мужа)

СУС 402 Царевна-лягушка

СУС 425M=К 458 Жена ужа (змея, гада)

СУС 430 Муж-осел (баран, козел, пес)

СУС 432 Финист ясный сокол

СУС 450 Братец и сестрица

СУС 465А Красавица-жена («Пойди туда, не знаю куда»)

СУС 465В Красавица-жена (Гусли-самогуды)

СУС 465С Красавица-жена (Поручение на тот свет)

СУС 480=АА 480*С Мачеха и падчерица: падчерица играет в прятки с медведем

СУС 480В*=АА 480*F Мачеха и падчерица: падчерицу посылают
за огнем к Бабе-Яге
СУС 485=АА *485А Борма-ярыжка
СУС 502 Медный лоб
СУС 510А Золушка
СУС 513 А Шесть чудесных товарищей
СУС 530=АА 530А Сивко-Бурко
СУС 530А=АА 530*В Свинка-золотая щетинка
СУС 531=К 531 Конек-горбунок
СУС 532 Незнайка
СУС 550=К 417 Царевич и серый волк
СУС 551 Молодильные яблоки
СУС 552А=АА 552 Животные-зятя
СУС 554 Благодарные животные
СУС 560 Волшебное кольцо
СУС 592 Чудесная скрипка (дудка, гусли, флейта)
СУС 653 Семь Симеонов
СУС 675 «По щучьему велению»
СУС 715А=АА 715 Петух (мальчик-с-пальчик) и жерновцы
СУС 780 Чудесная дудочка
СУС-790** Николай и Касьян
СУС 850 Приметы царевны
СУС 921Е*=АА *921 II Горшеня
СУС 946А*=АА *946 Балдак Борисевич
СУС 2022В=АА *241 III, 2022 Разбитое яичко